

МНОГООБРАЗИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Марина ХАУСТОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

To make different legal systems more available for a scientific analysis and to determine their status among other legal systems the classification is used. The fact that various legal systems have common features allows to classify them among themselves or divide into individual groups or legal families. There have been analyzed different classification criteria of legal systems which were formulated by different authors. It was proposed to mark out the main criteria as to the typology of the state – ideological component – legal awareness and legal culture of a society, based on which Romanic – German and Anglo-American Laws are marked out and also two independent families (types) of Religious and Traditional Laws.

Key words: legal system, legal family, classification, typology, national, transnational, Romanic-German legal family, Anglo-American legal family, Religious and Traditional legal families.

Аннотация

В статье подчеркивается наличие общих признаков в различных правовых системах, что позволяет их классифицировать или разделять в зависимости от тех или иных признаков на отдельные группы или правовые семьи. Проанализированы разнообразные критерии такой классификации, сформулированные теоретиками права. Предлагается выделить главный критерий типологизации правовых систем на правовые семьи, а именно – идеологический компонент – правовое сознание и правовая культура общества, на основании чего выделены романо-германское и англо-американское право, а также две самостоятельные семьи (типы) религиозного и традиционного права.

Ключевые слова: правовая система, правовая семья, классификация, типология, национальная и наднациональная правовые системы, романо-германская правовая семья, англо-американская правовая семья, религиозная и традиционная правовые семьи.

Постановка проблемы. Понятие «правовая система», используемое в значении «правовая семья», является ключевой категорией сравнительного правоведения. Помимо понятия «правовая семья» в отечественной юридической литературе используются понятия «правовая карта мира», «юридическая география мира», «сообщества правовых систем» и т. д. Особое значение имеет именно правовая карта мира, отражающая местоположение и особенности национальных правовых систем. Она характеризуется высоким уровнем динамичности, демонстрируя основные политико-правовые изменения (образование новых национальных правовых систем, влияние интеграционных процессов).

Актуальность темы. Разнообразие национальных правовых систем привело к необходимости их классификации, которая позволяет выявлять достоинства и недостатки национальных правовых систем, разрабатывать практические рекомендации по их усовершенствованию, осуществлять «обмен опытом» между различными правовыми системами в плане их наиболее оптимального построения и функционирования, создавать предпосылки для возможного заимствования оправдавших себя норм, принципов, институтов одних правовых систем другими,

формировать необходимые условия для унификации права.

Изложение основного материала. Правовая карта современного мира является достаточно сложным и неоднородным образованием, отражает особенности и местоположение национальных правовых систем, характеризуется высоким уровнем динамичности, демонстрируя основные политико-правовые изменения (образование новых национальных правовых систем, влияние интеграционных процессов и пр.). Но упрощенным признается подход, когда ее определяют лишь как совокупность национальных правовых систем, т. е. правовых систем всех существующих государств [1, с. 22].

История формирования правовой карты мира позволяет осуществить юридическую типологию национальных правовых систем. В современном мире можно выделить: во-первых, национальные правовые системы экономически развитых и демократических стран; во-вторых, национальные правовые системы стран, которые развиваются; в-третьих, конвентивные правовые системы государств, сложившиеся в конце 80-х – в начале 90-х годов XX ст. и осуществившие переход от административно-командной экономики к экономике рыночной, поэтому их еще называют постсоциалистическими.

Однако юридическая типология национальных правовых систем может быть построена и на основании цивилизационных критериев. Если опираться на учение А. Тойнби о локальных и особенных цивилизациях, можно выделить типы правовых цивилизаций. Применив цивилизационную типологию, получим цивилизационную юридическую географию, самими генерализованными подразделениями которой являются западная и восточная правовые цивилизации, которые, в свою очередь, могут быть разделены на более мелкие [2, с. 122, 123]: (а) на этапе локальных цивилизаций – древнеегипетскую, вавилонскую, древнеиндийскую, персидскую, древнекитайскую, античную; (б) на этапе особенных цивилизаций – дальневосточную правовую (конфуцианская Азия), исламскую правовую, европейскую западную и восточную правовые цивилизации. Если на Дальнем Востоке право оценивается как второстепенный регулятор общественных отношений, то в исламском мире право подарено людям Аллахом в Коране, а право в Европе – это искусство добра и справедливости.

Поэтому считаем вполне справедливым замечание французского исследователя Р. Леже о том, что «юридическая карта мира отличается невероятной сложностью» [3, с. 105]. Особенно, если учитывать, что в XXI ст. в составе

Организации Объединенных Наций насчитывается свыше 200 государств (членами ООН в 2012 г. являются 194 независимые страны), каждая из которых имеет собственную национальную правовую систему [4]. В некоторых из них имеется несколько правовых систем (как в Великобритании и Канаде) или даже десятки правовых систем (в таких федеративных государствах, как США и Россия).

На политической карте мира также существуют непризнанные или частично признанные государства (Тайвань, Северный Кипр и др.). Некоторые территории с переходным режимом могут быть временно зависимыми от других государств или международных организаций. В настоящий момент в мире насчитывается около 20 несамостоятельных территорий, находящихся под внешним управлением Великой Британии, США, Франции, Новой Зеландии. Ярким примером территории с переходным режимом является Палестинская национальная автономия, которая рассчитывает получить в будущем независимость и построить собственное государство. Все эти территории, невзирая на отсутствие суверенитета, также имеют собственные правовые системы, которые можно считать квазинациональными. А у некоторых национальных правовых систем существуют субнациональные правовые системы, имеющие значительную внутреннюю автономию (к примеру, правовая система Квебека в Канаде [5, с. 38; 6, с. 39], Шотландии в Великой Британии, штата Луизиана Соединенных Штатов Америки [7, с. 1, 2]).

Существуют также правовые системы, действие которых распространяется за пределами территории одного государства, которые могут быть названы наднациональными. Среди них, в первую очередь, следует выделить так называемые межгосударственные правовые системы, образующиеся отдельными государствами согласно заключающимся международным соглашениям [8, с. 123, 124]. Например, правовая система Европейского Союза, которой свойственны собственные структура и источники права, формы правотворчества и правоприменения [9, с. 22, 23], специфические механизмы защиты юридических норм от возможных нарушений, а также правовая система Сове-

та Европы. Цель классификации правовых систем на национальные и наднациональные – раскрыть природу этого образования, не замкнутого в пределах одного государства. На правовой карте современного мира необходимо различать правовые системы – национальные (в состав которых могут входить субнациональные) и наднациональные (международные и религиозные), конкурирующие между собой, [10, с. 705] и придерживающиеся международного правопорядка.

Причины разнообразия правовых систем заключаются, прежде всего, в том, что на их форму и содержание влияют непосредственно исторические традиции, условия возникновения и становления конкретного государства и права, а также специфика их эволюции. Правовые системы могут формироваться под влиянием одних исторических факторов, а уже трансформироваться под воздействием иных, повлиявших на ход их развития и функционирования. Например, правовая система Японии формировалась и развивалась под влиянием китайских правовых традиций.

Следовательно, чтобы разнообразные правовые системы стали более доступными для научного анализа и для определения их места среди других правовых систем, и применяется классификация.

Согласно сформированному в отечественной научной литературе представлению о понятии «классификация» оно рассматривается как система разделения любых однородных элементов или понятий по классам, отделам на основании определенных общих принципов [11, с. 54]. Согласно логико-философским позициям классификация является разделением предметов на определенные классы, которое проводится таким образом, что каждый класс относительно других классов занимает конкретно определенное место [12, с. 157].

Среди множества существующих в современном мире правовых систем большинство из них имеют доминирующие подобные черты. Эти сходства, как правило, обусловлены одними и теми же или очень близкими между собой типами обществ, общими или подобными историческими условиями развития общества, общей или подоб-

ной религией, а также иными аналогичными им обстоятельствами.

Наличие общих признаков у разных правовых систем позволяет классифицировать их или разделять их в зависимости от тех или иных общих признаков на отдельные группы, правовые семьи. В научной (как и в юридической) литературе правовые семьи понимаются как совокупность национальных правовых систем, объединенных общностью наиболее важных черт, указывающих на их существенное сходство [13, с. 31] – на общность источников права, в первую очередь, ментальных, стилевых структур права, историческую специфику формирования [14, с. 200], структуру системы права, правовую культуру и правосознание, юридическую доктрину и юридическую технику.

Необходимость и важность классификации правовых систем обусловлены определенными причинами. Во-первых, сугубо научными, познавательными и образовательными, так как глубокое и разностороннее познание правовой карты мира требует не только ее общего рассмотрения, но и изучения ее по отдельным частям, которые вбирают в себя подобные правовые системы. Во-вторых, их классификация облегчает определение места и роли конкретной правовой системы в системе общей мировой, позволяет делать обоснованные прогнозы относительно путей последующего развития как отдельных правовых систем, так и их совокупности в целом. В-третьих, классификацией преследуются сугубо практические цели – унификация действующего законодательства и совершенствование национальных правовых систем [15, с. 290]. Классификация правовых систем – это процесс, перманентно свойственный юридической компаративистике с самых первых дней ее зарождения. Кроме того, вопрос классификации правовых семей является одним из наиболее дискуссионных в сравнительном правоведении.

Классификация правовых систем на фоне всей их совокупности дает возможность: а) глубже и разностороннее исследовать отдельные правовые системы; б) раскрыть их преимущества и недостатки, разработать практические рекомендации и предложения относительно их частичного усовершенство-

вания или полного реформирования. Она: (а) способствует своеобразному обмену опытом между различными правовыми системами в плане их наиболее оптимального построения и функционирования; (б) создает предпосылки для заимствования иными системами наиболее оправдавших себя норм, принципов и институтов [16, с. 97, 98]; (в) облегчает определение места и роли конкретной правовой системы в общей мировой системе; (г) позволяет делать обоснованные прогнозы по поводу путей развития как отдельных правовых систем, так и их совокупности в целом; (д) способствует унификации действующего законодательства и усовершенствованию национальных правовых систем [15, с. 228].

Традиционно сложным остается вопрос о выборе критериев классификации национальных правовых систем. Еще до 1880 г. французский юрист Эрнест Глассон, по-видимому, первым в Европе рассмотрел проблему группирования подобных по существу правовых систем. Руководствуясь, прежде всего, генетическим базисом построения сообществ правовых систем, он сделал попытку их разделения на 3 большие группы. Первую образовали страны, в которых с наибольшей силой проявляется влияние римского права (Италия, Румыния, Португалия, Греция, Испания); вторую – страны, где римское влияние невелико, а право основано преимущественно на обычаях и варварском праве (Англия, Скандинавские страны, Россия); третью – правовые семьи, которые вобрала в себя в равной степени признаки римского и германского права (Франция, Швейцария, Германия) [17, с. 46].

Руководствуясь тем же историко-юридическим критерием в поиске качественной направленности родства сообществ правовых систем, аргентинский юрист Э. Мартинес-Пас выделил 4 группы правовых сообществ: (а) варварское, правовой платформой которого выступают нормы национальных обычаев, так называемых Варварских правд (право Англии, Швеции и Норвегии), (б) варварско-романское (право Франции, Германии и Австрии); (в) варварское-романо-каноническое (право Португалии и Испании), (г) романо-каноническо-демократическое (право США, Швейцарии и России) [18, с. 67].

Сама идея группирования правовых систем в правовые семьи была поддержана теоретиками права в 1900 г. на первом *Международном конгрессе сравнительного права в Париже* и широко распространена уже в начале XX ст., участники которого еще не имели четкого представления о методах классификации правовых систем. В соответствии с их взглядами выделялись французская, германская, англо-американская, славянская и мусульманская правовые семьи. В 1913 г. Созе-Халль предложил выделять по этнографическому принципу такие 4 группы сообществ: (а) индоевропейскую, (б) семитскую (представленную ассирийским, египетским, арабо-мусульманским правом), (в) монгольскую (китайское и японское национальное право) и (г) право варварских народов (право негритянских, индонезийских, малазийских и других племен). Причем индоевропейскую правовую семью он предложил распределить на подгруппы – на индусскую, иранскую, кельтскую, греко-латинскую, германскую, англосаксонскую и латышско-славянскую. По словам Созе-Халля, «лишь познавая внутренний мир каждой народности, можно обнаружить особенности эволюции права» [19, с. 89, 90].

Заслуживает внимания позиция представителя общего права Дж. Вигмора, который одним из первых представил науке общую панораму правовых систем. Он, как и Э. Ламберт, разделял компаративное право на 3 части: первой описывается система права, вторая анализирует ее позитивные качества, третья изучает развитие правовых идей и мира. Ученый широко использовал метод, который он назвал иллюстрационным. Его труд «Панорама правовых систем мира» содержит большой историко-правовой материал [20, с. 132]. Он возвел все существующие и современные ему правовые системы к 16 основным, а именно: египетская, месопотамская, иудейская, китайская, индусская, греческая, римская, японская, мусульманская, кельтская, славянская, германская, морская, церковная, романская, англиканская. Современная версия классификации Дж. Вигмора включает 5 правовых группировок и отличающихся на их основе культурных компонентов: право примитивных народов, древнее право,

северное американское право, право религиозных систем и право народов семито-хамитской семьи языков. Ознакомившись с его классификацией правовых систем, можно отметить, что ученый смешивает ее синхронный и диахронный и что она отображает попытку к простоте в сложном мире, которая также безнадежная, как и необходимая [20, с. 6].

Следовательно, в поисках соответствующей типологии правовых систем учеными выдвигаются различные критерии классификации. В современной компаративистике нет единой мысли о существующих основных правовых семьях. Это объясняется тем, что за основу классификации последних берутся различные критерии, и что практически у каждого компаративиста есть собственная теория о ней. Как справедливо по этому поводу отметил в свое время французский юрист Г. Родьер, «классификаций существует почти столько же, сколько и компаративистов» [21, с. 43].

Во второй половине XX в. наибольшего распространения приобрели 2 главных направления классификации правовых систем. Первое раскрыто Р. Давидом, который предложил идею трихотомии – выделения 3-х основных правовых семей: романо-германской, общей и социалистической на основании 2-х критериев – юридической техники и одинаковых философских, политических и экономических принципов. Все иные правовые системы он объединил под условным названием «другие виды общественного строя и права», среди которых рассматривалось право мусульманское, индусское и индийское, а также правовые системы стран Африки и Дальнего Востока [22, с. 25]. При этом ученый подчеркивает: «Какими значимыми не были бы эти семьи, какой бы широкой не была бы сфера их распространения, ими не ограничивается весь современный юридический мир. Рядом с установками, отображающими эти семьи, или в сочетании с ними во многих странах господствуют иные подходы к организации жизни общества» [22, с. 27].

Второе направление представлено К. Цвайгертом, который дополнил разработанную на основании генеалогически-исторического модуля классификацию Арманжона, Нольде

и Вольфа, которые отказались от использования всех внешних критериев. Они выдвинули такой содержательный принцип, как соотношение общего и особенного, предложив следующие правовые семьи: французскую, германскую, скандинавскую, английскую, российскую, исламскую и индусскую [23, с.76]. В свою очередь, К. Цвайгерт сделал акцент на том, что «рациональная классификация современных правовых систем нуждается в изучении их содержания» [24, с. 103], и предложил использовать критерием классификации понятие «правовой стиль», в 1960-х гг., состоящее из 5-ти факторов (по сути, критериев классификации), а именно: (а) происхождение и эволюция правовых систем; (б) своеобразие юридического мышления; (в) специфичность правовых институтов; (г) природа источников права и способы их толкования и (д) идеологические факторы. В наиболее завершеном виде эта концепция была отражена в совместной работе К. Цвайгерта и Х. Кетца «Вступление в сравнительное правоведение в сфере частного права», которое вышло в свет в 1971 г. Его авторы различали 8 правовых семей: романскую, германскую, англо-американскую, социалистическую, скандинавскую, дальневосточную, исламскую и индусскую [24, с. 117].

Отметим, что обе классификации (как наиболее общая трехчленная, так и более детальная) являются полезными, имеют право на существование. Однако ни одна из типологий не является совершенной, поскольку все они являются неполными, так как не охватывают всех правовых систем. В приведенных классификациях нарушена логика, ибо нельзя рассматривать отдельные религиозные системы (например, мусульманское право) как правовые семьи, так как они не совмещают в своем составе различные правовые системы.

Следовательно, сложность правовой классификации состоит не только в безграничном разнообразии национальных правовых систем, но и в том, что неравномерность социального и исторического развития обуславливает возможность существования на одном синхронном срезе разных стадий правового развития. В связи с этим каждая правовая семья должна рассматриваться на фоне ее исторического развития.

Р. Леже указывает, что классификация этих систем должна основываться не только на критерии технического (принятие правовых решений в системах, которые пытаются объединить в одну семью, должно основываться на одинаковой юридической технике) и идеологическом (правовые системы одной семьи должны охватываться одной концепцией права), но и на историческом и социологическом критериях (системы государств, не имеющих настоящих правовых традиций, не могут быть объединены в одну семью с теми государствами, где право эффективно функционирует в течение длительного времени и воспринимается как важная социальная ценность).

Необходимо использование достижений правовой науки, социологии и политологии. Принципиальное своеобразие этой конструкции заключается в том, что ученым предложено распределять правовые системы на 2 группы: в одну из них он включает семьи, совмещающие системы с общими признаками в техническом, идеологическом и социологическом аспектах; другая представлена различными группами правовых систем, объединенных в стабильное сообщество на основании той или иной идеологической платформы. К первой группе правовых систем Р. Леже относит системы: романо-германскую и общего права, ко второй – мусульманское и индусское право [3, с. 105].

Эту же позицию поддерживает и М. Марченко, указывая на необходимость учета политических, идеологических, культурных факторов. Он выделяет наиболее распространенные и влиятельные правовые семьи: романо-германскую, англосаксонскую (или систему общего права), правовые системы социалистических и постсоциалистических стран, иудейское и мусульманское право. Он подчеркивает, что в современной жизни и реальной действительности нет и не может существовать законченной правовой или любой иной классификации, что любая правовая семья, которая выделяется, неминуемо будет иметь относительный характер [15, с. 309].

Более детальная классификация, основанная на идеологическо-религиозном базисе, представлена К. Осаке. На первом уровне дихотомической

макроклассификации он разделяет правовые системы на 2 крупных блока – религиозный и нерелигиозный. К религиозным правовым системам он относит право мусульманское (исламское), еврейское (иудейское), каноническое право католической церкви и индусское. Во второй блок макроклассификации (нерелигиозные правовые системы) по критерию правопонимания и роли права в обществе, по мнению ее автора, следует разделить на западные, незападные и квазизападные правовые системы. Соответственно, западный блок представлен правом романо-германским, англо-американским и скандинавским, незападный блок – юго-восточным азиатским и африканским правом, квазизападный – правом социалистическим (Китай, Лаос, Кампучия, КНДР, Куба, Ангола, Эфиопия, Мозамбик) [25, с. 34-37].

По мнению В. Лафитского, в рамках многих сообществ выделяются семьи правовых систем, объединенные общими национальными и историческими корнями, едиными целями, структурно функциональными и стилевыми особенностями права. Это следующая линия разлома правового пространства мира. В сообществе христианской традиции права возможно выделить семьи романо-германского (или континентального), англосаксонского (или общего), скандинавского, латиноамериканского и славянского права. Последние сообщества правовых систем действуют в пределах тех государств, в которых они изначально появились: индусское – в Индии, конфуцианское – в Китае, Синтоистское – в Японии, иудейское – в Израиле. По мнению ученого, отнесение национальной правовой системы к тому или иному сообществу, семье или группе зависит от того, какой из факторов, какая совокупность преобладает [26, с. 105, 106].

В.М. Синюков предлагает собственные взгляды на основные правовые семьи современности, учитывая при этом характер исторической традиции правовой семьи, стиля, выраженного в специфике юридических, духовных (религия, этика и др.) и культурно-исторических источников. Среди основных правовых традиций он выделяет: общее (англосаксонское) право, романо-германскую правовую семью, традиционную правовую систе-

му (построенную на обычном праве) и религиозные правовые системы (мусульманское, индусское право), а также славянскую правовую семью как самостоятельную ветвь правовой цивилизации, возникшую в связи с распадом мировой социалистической системы, сохранением социалистического типа права в ряде государств, глубокими изменениями в общественно-политическом строе страны, приобретением относительной новизны, а поэтому нуждающуюся в дополнительном обосновании [14, с. 202-207].

Т.В. Кашанина подчеркивает, что семья права (или правовая система мира) – это группа национальных систем права, имеющих подобные признаки, главным из которых является форма последнего. Кроме этого, как она указывает, при выделении семей права должны учитываться: принципы, традиции и структура права, правовая культура и др. Принципы права, считает исследовательница, – одна из необходимых характеристик любой правовой семьи. Учитывая названные критерии, она выделяет такие правовые семьи:

1. Семья обычного права, охватывающая государства Африканского континента, главными принципами которой являются: (а) обязанность важнее права, (б) коллективизм, племенная солидарность, (в) отсутствие понятия «частная собственность», (г) согласие, примирение, достигаемые путем заключения договоров, (д) принцип неразрывности материального права и процедуры и пр.

2. Семья мусульманского права пропитана духом религиозной идеологии (Арабская семья права, исламское право, мусульманское право). Отсюда и соответствующая правовая идеология, заключенная в принципах мусульманского права: (1) принцип вечности шариата, (2) принцип неизменности шариата, (3) принцип универсальности и верховенства шариата, (4) принцип равенства применим только к правоверным, причем это касается только мужчин и др.

3. Семья общего права, которая жидется на рациональных началах. (Англосаксонская семья, прецедентное право). Отсюда и особенности принципов: (а) закон становится законом только после основательной апробации су-

дебной практикой; (б) принципы права имеют регулирующее значение, только преломляясь через судебные решения; (в) главным является принцип справедливости, суть которого сводится к установлению эквивалента наказания содеянному; (г) ответственность за вину для результатов рассмотрения дела особенного значения не имеет и др.

4. Романо-германская семья права (континентальное право) отличается доктринальностью и по этой причине ее еще называют «профессорское право». Именно это и накладывает отпечаток на ее принципы права: (а) ученые-юристы являются основными разработчиками указанных принципов, составляющих каркас юридической мысли; (б) судебная власть не может свободно формировать и отклонять те и другие принципы права – она их особенно чтит; (в) достаточное количество принципов права закреплено в законодательстве; (г) они представляют собой иерархическую систему (в общих чертах общецивилизационные, правовой семьи, общие, межотраслевые, отраслевые, институциональные); (д) принцип равенства – является одним из краеугольных, поскольку в основе континентальной семьи права лежит либеральная идеология и др. [27, с. 276-280].

М.В. Захарова определяет главный критерий классификации – стиль правового мышления, т. е. способ (манера) интеллектуальной деятельности в правовой сфере. Именно этот критерий позволил ей выделить 4 основных стиля правового мышления: а) континентально-европейский, ориентированный на внешний способ правообразования, как правило, законодательный по отношению к социальной среде; б) англосаксонский – процесс правообразования, имеющий в первую очередь судебный, а не законодательный характер; в) традиционный, базирующийся на внутрисоциальном способе правообразования; г) религиозно-доктринальный, представляющий собой процесс религиозного откровения, который репродуцируют на материальную плоскость либо авторы священных книг, либо доктринеры их текстов [28, с. 42, 43].

Кроме того, М.В. Захаровой определено, что в зависимости от особенностей построения собственного

нормативного элемента все правовые системы можно разделить на моноядерные и полиядерные [28, с. 47]. Большинство правовых систем современности можно отнести к моноядерным. Следуя алгоритмам развития единого стиля правового мышления, эти правовые системы имеют также одноядерное построение. Правовые системы с полиядерной структурной организацией, напротив, в своей основе содержат два и больше стиля правового мышления. Ярчайшим примером последней из названных групп следует считать государства с так называемой кочующей правовой системой [16, с. 57]. Сущность построения названных выше систем заключается в том, что, невзирая на приоритетное развитие на социальной арене отдельно взятого государства определенного стиля правового мышления, на его пространных территориях, где доминирует совершенно иной стиль правового менталитета. Например, в провинции Квебек по сравнению со всеми иными территориальными единицами этого государства в качестве базисной используется не англосаксонская, а романо-германская правовая традиция.

По мнению В.Е. Чиркина, в современном мире в соответствии с цивилизационно-формационным критерием, социальной сущностью системы и образом жизни конкретного сообщества существует 3 правовые системы [29, с. 261-264]: (а) мусульманская; (б) тоталитарно социалистическая (свыше 1, 5 млрд лиц) – существует в таких странах, как: Китай, Вьетнам, Куба, КНДР, Лаос [30, с. 291, 292]; (в) либеральная – частично социальная капиталистическая система, в которой выделяются германо-романская и англосаксонская правовые семьи права.

Настаивает на комплексном критерии градации сообществ правовых систем Л.А. Луць. Оценивая их современное положение, она называет такие типы объектов компаративного научного поиска: (а) романо-германский (континентальное право), (б) англо-американский (общее право), (в) смешанный (или дуалистический) – подтипы скандинавский, религиозно-общинный, мусульманский, индусский подтипы, а также традиционный философский – японский, китайский, общинно-обыч-

ный и (г) межгосударственный. При этом составляющими элементами комплексного критерия сравнительного правоведения она называет особенности институциональной, функциональной, нормативной частей конкретного типа правовых систем [31, с. 12].

Как видим, выделение комплексного критерия компаративно-правовой дифференциации имеет под собой весомые основания. Именно с помощью подобной конструкции можно оценить разнообразные грани правовых систем и их сообществ.

Выводы. Сегодня используются критерии классификации правовых систем, опирающиеся на правовую культуру, правовые традиции и правовой стиль [14, с. 190]. Именно идеологическая составляющая – правовое сознание и правовая культура общества – должна стать основным критерием типологизации правовых систем на правовые семьи. Форма всех иных явлений правовой системы (правовых норм и их систем, источников права, особенностей правоприменения и т. п.) – является следствием определенного правосознания общества [13, с. 37]. В то же время применение в процессе исследования такого сложного явления, как критерий деления, может вызвать определенные трудности. Поэтому в некоторых случаях возможным является выделение других дополнительных критериев, которые, с одной стороны, должны как можно ярче отображать специфику правосознания определенного общества, а с другой – быть простыми, инструментальными и удобными для сравнения. Одним из наиболее удобных в таком плане критериев являются источники права.

Как подчеркивает М.Н. Марченко, именно в источниках права в значительной мере отражается специфика правопонимания в различных правовых системах [32, с. 13]. Следовательно, рядом с общепризнанными семьями романо-германского и англо-американского права необходимо выделять две самостоятельные семьи религиозного и традиционного права. Главными критериями выделения каждой из них является достаточно существенные отличия в их правопонимании, хотя довольно четко прослеживается разница и за производным критерием – по источнику права.

Таким образом, мир правовых систем характеризуется как многообразием, так и относительным единством. Поэтому вопрос о количестве и группировании правовых семей всегда будет вызывать у теоретиков права научно-практический интерес.

Список использованной литературы:

1. Власов В.И. Сравнительное правоведение : учебн. пособ. / В.И. Власов, Г.Б. Власова, С.В. Денисенко. – М. : Изд-во КНОРУС, 2014. – 248 с.
2. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
3. Леже Р. Великие правовые системы современности: моногр. / Р. Леже. – М. : Статут. – 2011. – 344 с.
4. Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/members>.
5. Личичан О.П. К вопросу о правовых системах субъектов Канадской Федерации / О.П. Личичан // Акад. юрид. журн. – 2011. – № 2 (44). – С. 37–41.
6. Лук'янов Д.В. Национальные и наднациональные правовые системы в современном мире / Д.В. Лук'янов // Закон и жизнь. – 2013. – № 8/4. – С. 38–42.
7. Zekoll J. The Louisiana Private-Law System: The Best of Both Worlds / J. Zekoll // EUR. & CIV. L.F. – 1995. – № 10. – 243 p.
8. Луць Л.А. Європейські міждержавні правові системи: загальнотеоретична характеристика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Луць Людмила Андріївна. – Львів, 2004. – 448 с.
9. Марченко М.Н. Правовая система Европейского Союза : моногр. / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М. : Норма: ИНФРА – М, 2012. – 704 с.
10. Правова система України: історія, стан та перспективи : у 5-ти т. – Т.1: Методологічні та історико-теоретичні проблеми формування і розвитку правової системи України. / за заг ред. М.В. Цвіка, О.В. Петришина. – Х., 2008. – 728 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. – [4-е изд., стер.] – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. II. К-У. – 212 с.

12. Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. А.А. Грицанов. – [3-е изд., испр.] – М. : Книжный Дом, 2003. – 1208 с.

13. Порівняльне правознавство : підруч. / за заг ред. О.В.Петришина. – Х. : Право, 2012. – 272с.

14. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию : учеб. пособ. / В.Н. Синюков. – [3-е изд., дополн.] – М. : Норма, 2013. – 672 с.

15. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение : учебник / М.Н. Марченко. – [2-изд., перераб. и дополн.] – М. : Проспект, 2011. – 784 с.

16. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М. : НОРМА, 1996. – 265 с.

17. Glasson E. Le mariage civil et le divorce dans L'antiquite et dans les principales legislation modernes de L'Europe / E.Glasson. – Paris, 1880. – 167 p.

18. Martinez-Paz E. Introduccion al studio del derecho comparado / E.Martinez-Paz. –Cordoba, 1934. – 204 p.

19. Sauser – Hall G. La fonction et de la methode du droit compare / G. Sauser – Hall. –Geneve, 1913. – 112 p.

20. Wigmore J.H. A New Way of Teaching Comparative Law // Journal of the S.P.T. № 196. – 234p. ; Lambert E. Entry in Encyclopedia of the Social Science. – L., 1931. P. 126–143 p.

21. Rodierre R. Introduction au Droit Compare. P., 1979. P. 27. Kotz H. Abschied von der Rechtskreislehre? // Zeitschrift fur Europaisches Privatrecht. 6 Jahr gang. / R. Rodierre.– Munchen, 1998. – 493 p.

22. Давид Р. Основные правовые системы современности: моногр. / Р.Давид; пер. с фр. В.А. Туманов. – М. : Прогресс, 1988. – 324 с.

23. Arminjon – Nolde – Wolff. Traite de droit compare, 3-1 volumes / Arminjon – Nolde – Wolff. –Paris.– 1949–1952. – 212 p.

24. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц; пер. с нем. : [В 2-х т.–Т.1: Основы]. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 479 с.

25. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах / К.Осаке. – М. : Юрлит., 2002. – 368 с.

26. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: учеб. пособ. – [Т. 1] / В.И. Лафитский–М. : Статут, 2010. – 429 с.

27. Кашанина Т.В. Структура права : моногр. / Т.В. Кашанина – М. : Проспект, 2013. – 584 с.

28. Захарова М.В. Сравнительное правоведение : вопросы теории и практики: монография / М.В. Захарова – М. : Проспект, 2013. – 160 с.

29. Чиркин В.Е. Сравнительное правоведение : учебник / В.Е. Чиркин – М. : Междунар. отношения, 2012. – 336 с.

30. Чиркин В.Е. Правові системи сучасності: взаємовплив і антагонізми (на прикладі конституційного права) / В.Е. Чиркин // Право України – 2013. – № 6. – С. 289–295.

31. Луць Л.А. Типологізація сучасних правових систем світу: відкрита лекція / Л.А. Луць – Київ, Сімферополь : Логос, 2007. – 89 с.

32. Марченко М.Н. Источники права : моногр. / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2005. – 342 с.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Юлия ХИЖНЯК,

аспирант кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article deals with the reflection of legal culture of the soviet society in Bulgakov's story «The dog's heart». Fantastic character of the work is a tool of amplification that makes possible to stress the problems of legal culture, as well as social and ethical problems. Firstly, the scientific experiment of professor Preobrazhensky is examined as allusion to the revolution of 1917, secondly, as a parody of real human and animal experimentation of soviet scientists in 1920-s. The subject of these experiments touches many contemporary issues, included somatic rights of human being and animal rights.

Key words: legal culture, scientific experiment, somatic rights of human being, animal rights.

Аннотация

В статье рассматривается отображение правовой культуры советского общества в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Фантастический характер произведения является средством гиперболизации, которое позволяет обратить внимание на проблемы правовой культуры, а также этические и социальные проблемы действительности. Научный эксперимент профессора Преображенского анализируется и как аллюзия на революцию 1917 года, и как пародирование реальных экспериментов над людьми и животными, проводимых советскими учеными в 1920-х годах. Тема таких опытов затрагивает многие вопросы современности, в том числе вопросы соматических прав человека, а также прав животных.

Ключевые слова: правовая культура, научный эксперимент, соматические права человека, права животных.

Постановка проблемы. Произведения художественной литературы являются своеобразным отражением действительности, представления о которой складываются у писателя на основании его мировоззрения, культуры и миропонимания. М.А. Булгаков в художественной форме запечатлел портрет зарождавшейся советской культуры, в том числе и правовой. В «Собачьем сердце» проиллюстрированы особенности правовой культуры представителей всех слоев общества того времени.

Актуальность темы исследования обуславливается тем, что проблематика отображения явлений правовой культуры в произведениях М.А. Булгакова в юридической литературе не освещена.

Целью и задачей статьи является рассмотрение, каким образом правовая культура советского общества отображена на страницах повести М.А. Булгакова «Собачье сердце».

Изложение основного материала. Повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» была написана в 1925 году, но при жизни Булгакова ни разу так и не была опубликована. Это говорит о её очевид-

ной антисоветской направленности, о том, что её содержание вскрывает подлинную обстановку в обществе того времени.

«Собачье сердце» – это сатирическое произведение с элементами фантастики. Фантастика всегда была политизированным жанром, она давала выход общественным умонастроениям, и в этом смысле её нельзя ни понимать, ни анализировать вне прямых связей с господствующей идеологией, с борьбой социальных страстей. Фантастика – это модель человеческого существования, фантастическое в ней служит катализатором, раздражителем, который способен вытащить наружу самое потаённое и тщательно скрываемое [1, с. 89]. Поэтому если мы поставим себе задачу найти в рассматриваемой повести какие-то прямые указания автора на правовые явления или анализ таких явлений, мы их не найдём. Но проникнув в то, что скрыто под фантастическим сюжетом, представляется возможным их обнаружить.

Михаил Афанасьевич посредством описания фантастического эксперимента, проделанного над псом Шари-